

наглядным примером того, как мы воздаем почести величию и, воздавая их, стараемся поставить это величие себе на службу.

Фрост стал знаменитостью, стал общественным явлением задолго до поездки в Россию. Литературные почести пробудили в нем ощущение значимости политической силы или, проще говоря, власти. Отправляясь в Россию, он с самого начала надеялся увидеться с Хрущевым, поговорить с первым лицом в государстве. Он хотел поговорить о своем видении неизбежного пути развития цивилизации и о том, что, по его мнению, должны делать сильные мира сего. Почести, которые ему оказывались, нервировали его, и немудрено — ведь почести означают, что от тебя ждут новых, еще больших успехов и что ты не имеешь права на провал, а именно провала боялся Фрост, отправляясь в Гагру.

Он ехал в Россию, представляя ее себе крестьянской страной, по которой разгуливают медведи, а русские даже переусердствовали в оказании почестей. Они чествовали его от всей души, отдавая должное его таланту, и поэтому он ехал в Гагру с напряженным ощущением возложенной на него благородной миссии. Он ехал, не испытывая никакого трепета перед властью, с особым чувством личной ответственности высокоуважаемого человека.

Хрущев, самый могущественный политический деятель в России, признал его большие заслуги в поддержании культурной традиции. Фрост, к концу жизни ставший самым почитаемым литератором Америки, признал важнейшую роль Хрущева в формировании сил, влияющих на мировые события. Они вели свободный, очень насыщенный диалог, который был проникнут глубоким уважением и лишен всякой церемонности. Они обсуждали расстановку сил в противостоянии Востока и Запада, рассказывали анекдоты, анализировали значение экономической конкуренции, хвалили друг друга за энергию,